

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Д. ПИНСКОГО

Как известно, существует целая группа текстов, описывающая впечатления зарубежных общественных деятелей, писателей и журналистов, посетивших Россию в 1920–1930-х годах, среди которых можно назвать выступления, статьи и письма Дж. Рида, Г. Уэллса, Т. Драйзера, Р. Роллана, Б. Шоу, В. Бенямина, А. Барбюса, А.-Л. Стронг, А. Жида, Л. Фейхтвангера. В 1920–1930-х годах советский идеологический аппарат стремился использовать их визиты в своих пропагандистских целях как внутри страны, так и за рубежом. Помимо публикаций в советской прессе, освещавших пребывание иностранцев, были изданы сборники «Гости пролетариата» (1932), «Глазами иностранцев: иностранные писатели о Советском Союзе» (1933), а также брошюра М.С. Живова «Зарубежные голоса» (1933), излагавшая советскую точку зрения на значительную группу откликов за период 1927–1932 гг.

За рубежом появление в печати очерков и репортажей о СССР вызывало бурные дискуссии. Особым драматизмом полемика окрасилась во второй половине 1930-х годов, что ярко выразилось в истории публикации книги «Мое возвращение из СССР» (1936) Андре Жида, выпустившего в июне 1937 г. «Поправки к “Моему возвращению из СССР”» в ответ на упрёки в «очернительстве страны» со стороны Ромена Роллана, Поля Низана и других видных деятелей французской культуры; обсуждались и выступления Л. Фейхтвангера во время его визита в Советский Союз в 1937 г.

Указанные тексты неоднократно привлекали внимание исследователей; среди важнейших аналитических работ – монография Сильвии Маргулис «Паломничество в Россию. Советский Союз и обработка иностранцев: 1924–1937» (1968), в которой на материале многочисленных свидетельств, связанных с поездками зарубежных специалистов, делегаций рабочих, финансовых и

деловых кругов, а также западных интеллектуалов, анализируются механизмы работы советского аппарата, направленные на создание позитивного образа страны¹. Монография П. Холландера «Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978» (1981; русский перевод – 1997)² рассматривает эти источники в контексте социально-политических и морально-этических поисков представителей западной культуры.

Среди подобных источников есть и немало текстов, связанных с проблемами советского еврейства³. В 1920 и 1930-х годах прошло несколько пропагандистских кампаний вокруг еврейского вопроса, прежде всего Крымского (1926) и Биробиджанского (1928) проектов⁴. Принципиальной вехой в истории советского еврейства стало постановление, принятое 28 марта 1928 г. Президиумом ЦИК СССР, о выделении на Дальнем Востоке земли «для создания еврейской автономной территориально-административной единицы». Визиты известных еврейских писателей были важной частью Биробиджанского проекта.

В 1926 г. в качестве корреспондента нью-йоркской газеты «Форвертс» СССР посетил писатель И.-И. Зингер (старший брат нобелевского лауреата И. Башевиса-Зингера), серия его очерков «Новая Россия» вышла отдельной книгой в Вильно в 1928 г. В 1926 г. в СССР были литераторы Р. Брайнин, М. Надир, прозаик Б. Глазман. В 1927 г. здесь побывал главный редактор газеты «Форвертс» Аб Кахан⁵. После публикации серии его статей в Нью-Йорке Кахан как общественная фигура стал объектом абсолютного порицания в советской прессе, не говоря уже о самой газете «Форвертс».

В 1928 г. еврейские колонии Крыма и Украины посетил И. Опатошу, который затем приезжал и в 1934 г.; по приглашению ОЗЕТа в 1928 г. в СССР побывал Шолом Аш. Их выступления и речи на торжественных собраниях печатались в советской и зарубежной прессе, а к визитам публиковались переводы произведений на русский язык. Это было не только знакомством с творчеством современных западных литераторов, но и механизмом оплаты самого приезда. Финансовую сторону подобных визитов подробно описал Андре Жид в своих «Поправках». Несмотря на щедрость советской стороны, руководство СССР часто ожидало разочарование: то, что печаталось зарубежными гостями по возвращении в Париж, Берлин или Нью-Йорк, было их честным ответом на вопросы западной читательской аудитории. Так случилось, например, и после визита Авраама Рейзена в

1928 г. Накануне его приезда в журнале «Трибуна еврейской советской общественности» писали: «Авраам Рейзен наш, целиком наш... он является гостем от наших еврейских рабочих в Америке»⁶. Но через год в том же журнале было помещено сообщение об общем собрании еврейской секции МАППа от 20 октября 1929 г., на котором писатель был исключен из его рядов⁷. В 1929 г. в СССР приехал известный драматург П. Гиршбейн, который прожил восемь месяцев в еврейских колониях Херсонской области и Крыма, где работал над романом «Красные поля». В то время позицию Гиршбейна резко критиковали в польской и американской еврейской прессе, что гневно осуждалось на страницах «Трибуны»⁸.

После 1929 г. в связи с поддержкой СССР арабской стороны в ходе разгоревшегося конфликта в Палестине многие известные еврейские писатели осудили позицию Советов и в знак протеста перешли из прокоммунистической газеты «Фрайхайт» в «Форвертс». Московская «Трибуна» откликнулась на это статьей «Правые вылазки в литературе», где клеймила прежних гостей Х. Лейвика, А. Рейзена и М. Борейшу за то, что они начали издавать еженедельник «Ди вох», «посвященный “разоблачению” коммунистического влияния во всех отраслях культурной жизни, и объединили вокруг себя пеструю компанию националистов»⁹. В начале 1930-х общее число визитов зарубежных еврейских писателей существенно сократилось¹⁰. В середине 1930-х годов в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске стали упраздняться еврейские научно-гуманитарные структуры, резко сократилось количество еврейских школ¹¹.

На этом политическом фоне в Варшаве на языке идиш были изданы две книги очерков, рассказывающих о поездках в СССР в 1936 г.: «Рейзе иберн Ратн Фарбанд» (Путешествие по СССР) Я. Пата, видного деятеля еврейского образования, писателя и драматурга, в которую вошли его статьи, печатавшиеся на страницах «Фольсцайтунг» с октября 1935 по апрель 1936 г., а также двухтомник «Рейзе-бух» (Путевая книга) Д. Пинского. В первом томе были собраны очерки о посещениях Палестины в 1932 и 1936 гг., рассказывающие о еврейских поселениях, кибуцах, о борьбе политических партий, культурной и литературной жизни, проблемах с арабским населением. Второй том посвящен поездке в СССР, куда писатель и его супруга были приглашены на театральный фестиваль, проходивший в Москве с 1 по 7 сентября 1936 г. В этих очерках Пинский характеризует общественную, экономическую и культурную

ситуацию в СССР накануне репрессий 1937 г. Его книга – это бескомпромиссный взгляд европейского социалиста на страну «победившего пролетариата».

В отличие от организованных ОЗЕТ визитов 1928–1929 гг., приезд Д. Пинского фактически не освещался в печати, за исключением информационной строки в московской газете «Дэр Эмес» («Правда»), на что обращал внимание сам автор в книге. Это было не случайно, поскольку писатель был видным деятелем партии Поалей-Цион (Рабочие Сиона), ликвидированной в СССР наряду с другими социалистическими партиями¹². Следует подчеркнуть, что в США, куда Пинский эмигрировал из России еще в 1899 г., он был весьма авторитетной фигурой.

В середине 1930-х годов ни один из писавших на идише литераторов не имел такого количества переводов своих произведений на английский и другие европейские языки, как Д. Пинский. Его комедия «Клад» ставилась на немецком языке знаменитым режиссером М. Рейнхардтом в «Дойче-театр» в Берлине, на английском она неоднократно шла в Нью-Йорке в дополнение к многочисленным постановкам на идише в еврейских театрах Варшавы, Вильно и других городов Восточной Европы. Д. Пинский был автором более 60-ти пьес¹³. Среди его пьес, получивших широкий общественный резонанс, можно назвать трагедию «Семейство Цви» (1904, в русском переводе «Погромные дни»), написанную под впечатлением от кишиневского погрома 1903 г., и символично-романтическую драму «Дэр фрэмдер» (или «Дэр эйбикер ид»; в русском переводе «Вечный Жид», 1906), которая спустя десятилетие стала одной из лучших постановок театра «Габима», игравшего ее на иврите; глубокое впечатление она произвела на М. Горького, посетившего один из первых московских спектаклей в 1919 г.¹⁴

Творческое наследие Д. Пинского разнообразно: литературную карьеру он начинал как поэт, опубликовал несколько сборников рассказов, три романа, а также множество публицистических и литературно-критических статей в ведущих еврейско-американских изданиях. О Пинском писали как о четвертом классике в литературе на идише после Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема и И.-Л. Переца. Как драматург Пинский был хорошо известен в дореволюционной России. Для современников его роль в развитии еврейской «новой драмы» была очевидна, что демонстрирует, например, доклад С. Ан-ского на Первом Всероссийском съезде деятелей народного театра в Москве в 1916 г.¹⁵ Прежде чем мы перейдем к анализу «Путевой

книги», приведем несколько биографических сведений из жизни Д. Пинского, непосредственно связанных с темами его очерков о Советской России.

Д. Пинский родился 5 апреля 1872 г. в Могилеве-на-Днестре. Его отец был поставщиком военного обмундирования для русской армии и с 1873 г. значительную часть времени проживал в Москве в районе Зарядье, в то время как семья еще оставалась в Могилеве. Когда Давиду исполнилось 13 лет, семья Пинских переехала в Москву. Отец был страстным любителем музыки, горячим «патриотом» Большого театра, где в то время ставилась опера А. Рубинштейна «Маккавеи». Д. Пинский на всю жизнь запомнил, как зимней ночью стоял в очереди за билетами. В очерках 1936 г., описывая посещение города своего детства, он вспоминал не только о роскошных магазинах на Кузнецком мосту, но и о своем прежнем страхе перед ночными облавами жандармов, проверявших документы на «правожительство», и оскорбительные выкрики мальчишек, дразнивших еврейских сверстников. В 1890 г. его старший брат женился и переехал в Витебск, туда же уехал и Давид. Уже тогда в Москве чувствовалось напряжение, которое затем вылилось в изгнание евреев из столицы в конце 1891 г.¹⁶ Его родители также были вынуждены покинуть Москву. Отец глубоко страдал из-за этого унижения, некоторое время он надеялся на защиту со стороны знакомых московских купцов, с которыми работал многие годы, однако те отказали в помощи. Все эти тягостные события и переживания привели к финансовому краху отца и разорению семьи.

В 1892 г. Пинский отправился в Вену с намерением изучать медицину. По дороге он посетил Варшаву, мечтая познакомиться с И.-Л. Перцем (с этого времени завязалась их многолетняя дружба¹⁷). За границей Д. Пинский пробыл недолго и вскоре снова оказался в Варшаве. Самое существенное, что вынес молодой человек из непродолжительного пребывания за границей – это интерес к социальным проблемам; из Вены он вернулся убежденным социалистом.

В 1894–1896 гг. было опубликовано три сборника его рассказов. Молодой писатель рассматривал литературу как оружие в борьбе за справедливое переустройство мира. В 1894 г. при финансовой поддержке Годл Койфман (в дальнейшем жены Д. Пинского) И.-Л. Перец и Пинский приступили к выпуску знаменитой серии «Праздничные листки», основной задачей которой было распространение социалистических идей¹⁸. С этого времени имя Пинского стало популярным среди еврейских

читателей. Серия продолжалась с 1894 по 1896 г. – вплоть до вынужденного отъезда Д. Пинского в Германию, поскольку им заинтересовалась полиция. В очерках 1936 г., описывая систему наблюдения за иностранцами, Пинский вспоминал о том, как в царской России ему приходилось скрываться от слежки, но тогда он был на положении нелегала. В 1936 г. Годл Койфман сопровождала мужа в поездке по СССР, и в тексте путевых очерков Пинский описывает многие детали повседневной жизни, на которые жена обращала его внимание: на качество товаров и их цены, на настроение и хмурые лица людей, на обстановку советских коммунальных квартир и отсутствие цветов на улицах крымских колхозов.

В декабре 1899 г. Пинский эмигрировал в США. В то время он примыкал к Бунду, в газете «Дэр арбэтер» вел рубрику, рассказывающую о революционном движении в России. Подобно многим русско-еврейским интеллигентам рубежа XIX–XX вв., Пинский не утратил связь с родиной, многие его произведения повествуют о жизни в «старом доме», вместе с тем его по праву называют одним из создателей еврейско-американской прозы с социальной проблематикой¹⁹. В конце 1900 – начале 1910-х годов под влиянием литературных дискуссий о национальной культуре он обратился от социально-психологической проблематики к разработке сюжетов, основанных на историческом материале. Со временем писатель все больше примыкал к национальному движению. В 1912 г. он перешел из Бунда в партию Поалей Цион и длительное время был членом ее ЦК в Америке. Д. Пинский был ярким общественным и культурным деятелем, основателем Еврейского театрального общества в Нью-Йорке, инициатором создания Центрального Еврейского общества культуры (ЦИКО), и в 1929 г. был избран его президентом. В 1948 г. участвовал в работе Всемирного конгресса еврейской культуры в Нью-Йорке, был избран первым президентом еврейского ПЭН-клуба. Как общественный и партийный деятель Д. Пинский был тесно связан с рабочим движением, в то же время его художественное творчество нельзя отнести лишь к социально ориентированной литературе. Как писатель и драматург он испытал глубокое влияние европейского модернизма²⁰.

В дореволюционное время в русских переводах вышло несколько рассказов и драм Д. Пинского. В статье о нем в 16-томной «Еврейской энциклопедии» (1908–1913) указывалось, что писатель «первый в еврейской литературе художественно воспроизвел пробуждение классового самосознания в

трудящихся массах еврейской черты», но «постепенно перешел от социальных тем к национальным»²¹. Советская критика признавала произведения социальной тематики, и в СССР вышли три сборника его рассказов на идише: в 1930 г. в Киеве, в 1933 г. в Москве, в 1934 г. в Харькове. Отношение к Д. Пинскому со стороны официальной советской критики отражено в статье Ш. Клитеника в восьмом томе «Литературной энциклопедии» (1934), в которой писателям давалась так называемая классовая оценка. Здесь признавалось, что в начале своего творчества он «находился под сильным влиянием нараставшего революционного движения» и его герои выражали «протест против беспощадной физической и духовной эксплуатации», однако этот «протест не осмысливался им в духе классовой борьбы». Писатель не создал «образы подлинных революционеров» и был «представителем мелкобуржуазного социализма». Далее сообщалось об отходе от революционного движения, Пинский характеризовался как «мелкобуржуазный националист», художественный талант которого «сильно снизился». «В настоящее время, – писал Ш. Клитеник, – Пинский трибун национализма и сионизма в Америке»²².

Со своей книгой, опубликованной на идише в Харькове в 1934 г., с предисловием того же Ш. Клитеника, называвшего его «шовинистом» и «еврейским националистом», Д. Пинский пересек советскую границу в конце августа 1936 г. В первой главе «Мой приезд в СССР» он писал о давней мечте – посетить Советский Союз. Незадолго до его приезда было объявлено о решении суда по каменевско-зиновьевскому процессу – первому показательному «процессу 16-ти»²³. Среди осужденных было десять евреев (из них несколько человек были членами компартии Германии), на что обращала принципиальное внимание западная пресса, в том числе еврейская, однако в СССР национальная принадлежность арестованных не обсуждалась – они рассматривались как участники «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»²⁴. Пинский пишет о внутренней борьбе, проходившей в его душе. Он, давний деятель социалистического движения, лично знавший нескольких человек из тех, кто был приговорен к расстрелу, понимал, что в СССР произошло жестокое преступление: «Признание обвиняемых, их предсмертная исповедь, их самообвинения – все это невероятные вещи! безобразная комедия во имя восхваления и усиления сталинской диктатуры»²⁵ (здесь и далее пер. наш. – Г. Э.). Память о жертвах, приговоренных к расстрелу в хо-

де первого «открытого» суда, прошедшего 19–24 августа 1936 г., постоянно присутствует в этом тексте, она звучит как его лейтмотив.

Пинский свидетельствует, что решение о поездке было принято после тяжелых колебаний, они (супруги Пинские) хотели отказаться от визита в знак протеста «против очернения социализма», была даже мысль о том, что Советы сами не разрешат им въехать в страну. Тем не менее, они собирались увидеть все собственными глазами. И вот приграничная станция Негорелое, где их встречает молодой пограничник, отбирает антифашистскую брошюру, изданную на немецком языке в Германии. В руки ему попадает и харьковская книжка с дикими характеристиками Ш. Клитеника, но офицер не знает идиш и смотрит только на украинский перевод ее названия. Изданная в СССР книга – лучшее подтверждение лояльности. На протяжении всей поездки они пытаются обнаружить знаки протеста против ужасного преступления, но в «стране шепота» люди внешне спокойны, а по «радио звучат веселые голоса и льются прекрасные песни». Супругам Пинским самим вскоре пришлось научиться переходить на шепот, понимать многозначительные взгляды и знаки тех, с кем они встречались.

В двадцати девяти главах книги Д. Пинский описывает посещение Минска, Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и Крыма. Помимо театрального фестиваля, он был на двух московских фабриках, посетил заседание писательской организации, был на экскурсиях в Киево-Печерской лавре, Третьяковской галерее, дворцах Петербурга. Это был типичный маршрут иностранца в СССР, примерно то же описывал Яков Пат, а также Андре Жид, бывший здесь с 17 июня по 24 августа 1936 г., правда, его визит, организованный ССП и курировавшийся М. Кольцовым, освещался в советской прессе. Если французский писатель знакомился с новой для себя страной, то Пинский подмечал все, что появилось уже в послереволюционное время, и вспоминал о том, что навсегда исчезло из жизни. Дворцы культуры, расположенные в прекрасных особняках, вызывали восторг у француза, но у Пинского бывшие городские усадьбы пробудили иные чувства: он понимал глубину драмы, пережитой их владельцами; агрессивность экскурсовода, рассказывавшего о Николае II в Зимнем дворце, заставила вспомнить о трагической гибели его семьи. Д. Пинский писал о молитвенной атмосфере, царившей прежде в Киево-Печерской лавре, которая теперь стала лишь местом посещения туристов.

Он признавал, что дворцы культуры – большое завоевание новой жизни. «Теперь рабочий должен много знать», «культура – важное слово для народа, которое 16 лет назад он даже не знал, с чем его едят», – приводил Пинский слова советских лекторов. В массе подобных цитат с их «гордыми» заявлениями наглядно проявляется ирония самого наблюдателя. На этом же приеме построена глава «Из преступников в хорошие рабочие», где рассматриваются литературные произведения о Беломорканале: пьеса «Аристократы» Н. Погодина и рассказ советского идишского писателя Хаима Гильдина, в котором умный чекист перевоспитывает заключенных. «Оба писателя, Погодин и Гильдин, уверяют, что их рассказы взяты из жизни, что их герои не выдуманы. Оба были на канале, смотрели, читали протоколы администрации». Московский друг, у которого Пинский стал спрашивать, что он думает об этом, посоветовал и ему поехать в Болшево, «поискать материал для драмы или романа». Обычно иностранцам показывали этот подмосковный поселок, где жили бывшие преступники, которых «перевоспитало» государство. Собеседник Пинского с гордостью рассказывал о том, как там работают, «учатся любить родину и ее социалистический порядок», он был убежден, что Погодин ничего не придумал. Пинский, как и Андре Жид, отмечал искреннюю веру многих советских граждан в то, что им внушала пропаганда. В главе «Движение к свободе» писатель приводил слова девушки-гида о достижениях в СССР. Но когда он спросил, как же обстоят дела с демократическими свободами, девушка, выросшая после революции, не поняла вопроса. Выслушав его объяснения, она заключила: «Это неважно. Мы свободны».

В отличие от книги Я. Пата, в которой приводится масса официальных статистических данных, выдержки из документов и газет, описываются встречи с представителями советского аппарата, книга Пинского является свидетельством частного лица. Его собеседниками большей частью выступают простые советские граждане, работники гостиницы, портные, врачи, продавцы, учителя, московские рабочие и крымские колхозники. Значительная часть книги посвящена экономической жизни. Чету Пинских поражают очереди, удивляет низкое качество вещей и продуктов и их высокие цены по сравнению с американскими. Автор сожалеет об исчезновении народных промыслов, о сокращении кустарных мастерских, производивших массу нужных товаров. Весьма красноречиво и название одной из глав: «Не является ли русский социализм государственным капитализмом?». Несколько очерков посвящено стахановскому движению,

широко пропагандируемому в СССР. Д. Пинский, как и А. Жид, пишет о том, что оно ведет к интенсификации труда рабочих, его настораживает появление хорошо оплачиваемой рабочей аристократии. «В чем отличие советских фабрик от американских? Это наличие огромных плакатов с пропагандистскими лозунгами, на которые рабочие смотрят целый день», – писал Пинский о своем посещении московской табачной фабрики и хлебозавода²⁶. На одном из плакатов увидел он и имена всех 16-ти осужденных; ненависть к «врагам» последовательно культивировалась в сознании людей. Его провоцирующие вопросы о профсоюзах, о том, есть ли у рабочих право на забастовку, вызывали удивление, а чаще испуг у простых граждан.

И Д. Пинский, и А. Жид писали о Сталине как о диктаторе, свидетельствовали об обстановке страха в стране, отмечали отсутствие у иностранцев свободы передвижения. В дороге Андре Жид читал роман Н. Гоголя «Мертвые души» и нашел немало параллелей с его героями в ментальности советских граждан. В главах «Сталин» и «Музей революции» Пинский пишет о перерождении социалистической идеи, о сознательном искажении исторических фактов, о замалчивании роли Троцкого и возвеличивании Сталина и Ворошилова. Пинский признавал, что в 1920–1921 гг. он поддерживал страну социалистической революции, его революционная драма «Исаак Пинев» (1922–1924) была созвучна призыву «Через страдания к победе!». Теперь же все происходящее напоминает ему «работу какого-то невидимого режиссера», обожествление Сталина он называет «трагедией русского коммунизма». В главе «Диктатура страха» Пинский описывает собрание московских писателей, его возмущает негативное отношение к Плеханову-критику, он пишет о судьбе литературоведа Фридляндера, разработчика теории «марксистско-ленинского исторического романа», обвиненного в троцкизме, после чего в СССР были запрещены все его работы, как и сама теория; в «издательствах над историческим романом» был обвинен писатель Вайсман. Пинский вспоминал о расстрелянном по процессу шестнадцати Р. Пикеле, который сотрудничал в журнале «Театр и драматургия». В своей последней статье «Критика наших критиков» Пикеле сам утверждал, что в СССР не может быть разных мнений, его работа точно соответствовала советской идеологии и была полна восхвалений Сталина. «Почему же был арестован столь преданный Сталину человек? – спрашивал Пинский. – Художник слова испытывает муки творчества, ищет слова и образы. Но советский литератор должен искать слова, которые соответствуют партийной ли-

нии, иначе его обвинят в троцкизме». Помимо идеологической цензуры, есть еще и самоцензура. Пинский называет спектакли «Камерного театра», «Театра революции», театра «Пролеткульт», снятые как «троцкистские», пишет об отрицательной рецензии в «Известиях» на постановку в Государственном еврейском театре исторической драмы «Бойтре» еврейского поэта М. Кульбака, об опасениях Д. Бергельсона, работавшего над второй частью исторического романа, где в качестве одного из героев должен был быть изображен коммунист.

Рассказывает Пинский и об истории вокруг пьесы «Исаак Пинев», которую он надеялся предложить для постановки в СССР. В последнем действии его герой стрелял в негодя, примкнувшего к революционному движению из карьерных соображений. Обращаясь к любимой, большевистский комиссар Пинев говорит о своих душевных муках, мечтает о мире, в котором не проливается кровь. В рецензии на эту пьесу все тот же Ш. Клитеник, советский специалист по творчеству Пинского, гневно писал о том, что автор не понял истинного смысла революционного террора. В результате в СССР драму не купили.

Ситуацию в литературе Пинский сравнивает с идущим по канату циркачом, в руке которого балансир – марксистско-ленинская теория. Когда-то в Нью-Йорке Пинский участвовал в дискуссии «Искусство и диктатура» и в своем докладе подчеркивал, что драматурги пишут под властью диктатуры публики, он же хочет работать ради диктатуры идеи, тогда, признается автор, он еще не знал о диктатуре страха. Именно этим можно объяснить то, что «русская литература сейчас столь бедна». Эта же мысль определяет и содержание главы «Еврейская литература и театр в СССР», которые Пинский называет «карикатурными, почти рабскими», отмечает отсутствие пьес из современной жизни. Его возмущают доходящие до абсурда рассуждения советских критиков Х. Дунца, И. Нусинова, не говоря уже о его черном ангеле Клитенике. Жертвами статей которых стали талантливые литераторы Л. Квитко, А. Абчук, Дер Нистер. «Классовой пломбой» они опечатали всех еврейских писателей, официальная трактовка еврейской классики на сцене примитивна, почти бурлескна. Сами актеры не верят в будущее своего театра, писатели воспевают Биробиджан, но не знают, откуда возмущутся там евреи. «Литература, которая покинула свой народ, висит в воздухе»²⁷ – пишет Пинский, перефразируя Шолом-Алейхема. В очерке «Еврейские колхозы в Крыму» Пинский с сожалением констатирует, что литераторы, представлявшие советское еврейство, перестали интересоваться Крымом, все их

внимание направлено на Биробиджан. Молодежь уезжает из колхозов, преподавание идиша в школах сокращается.

Как и Андре Жид, Пинский писал об отсутствии у советских граждан реальной информации о жизни за рубежом, об отсутствии критического взгляда на происходящее в их собственной стране. В отличие от французского писателя, он имел большую возможность общаться с простыми гражданами, многим из них он и его жена передавали письма и посылки от родственников за границей. Во время этих визитов они стремились рассказать о еврейских поселенцах в Палестине, которую посетили накануне своего приезда в СССР, о жизни евреев в Америке, в Аргентине и Канаде. Поскольку советская пресса писала лишь об арабской революции и безработице, то люди с удивлением слушали рассказы о работе кибуцев, о строительстве фабрик и заводов.

Завершалась книга очерком «Мои встречи с еврейскими писателями в СССР», в котором Пинский писал о страхе, которым были объаты те, с кем он общался. В Минске он пытался встретиться с поэтом И. Хариком, но никто не мог объяснить, где же находится известный литератор. М. Кульбак не пришел на назначенную встречу в писательском клубе. В глазах редактора еврейской газеты «Октябрь» Пинский увидел не просто смущение, а какой-то «животный ужас». В Москве прятались не так откровенно, однако и в редакции «Эмес» сказали, что М. Литваков болен. Все, кого он видел в Одессе и Киеве: И. Фефер, Д. Бергельсон, Д. Вендров, П. Маркиш, – были внутренне скованны. Искренне говорил с ним Д. Гофштейн. «Ни в одной из редакций меня вообще не спрашивали о еврейской литературе, никто не говорил ни о ком из писателей, – замечал Д. Пинский. – Правда, Бергельсон задал вопрос об Опатошу и о своем друге Вайнпере, Гофштейн спросил о Лесине и Нигере, и лишь один д-р Израиль Цинберг в Ленинграде, этот прекрасный человек, интересовался всем и всеми»²⁸.

Очерки Пинского остаются единственным свидетельством о реакции властей на факт публикации за границей в Вильно многотомного труда С.Л. Цинберга «История еврейской литературы»²⁹. Официальные представители еврейской культуры в СССР отказались принять эту работу, обвинив ученого в национализме и шовинизме, и только тогда, когда высокое начальство из Москвы спохватилось, поняв, что этот труд мог бы стать гордостью Советского Союза, сами обратились к ученому с вопросом о публикации книги. В завершение главы Пинский писал о поэте Х. Ленском, «духовном приверженце С.Л. Цинберга», с которым познакомился в его доме. Молодой

человек в форме капитана военно-морских сил был для Пинского «символом боевой революции, которая найдет путь к расцвету культурно-национальной жизни народов СССР», – восклицал давний сторонник рабочей партии Поалей-Цион. Этими словами завершались путевые заметки Д. Пинского о стране, которую он посетил незадолго до трагедии 1937 г., когда были арестованы многие из тех, кого он встретил осенью 1936 г.³⁰

Для многих зарубежных читателей очерки Пинского стали откровением, заставившим пересмотреть отношение к СССР. Однако в Советском Союзе о них знал лишь ограниченный круг лиц; известно, что экземпляр книги был передан в Еврейский антифашистский комитет. Вероятно, это произошло во время визита делегации в США в 1943 г. В монографии Г.В. Костырченко приводятся архивные материалы 1950 г. о «чистке» в Главлите, согласно которым имевшаяся здесь «книга бундовца Пинского» проходила в ряду провинностей, обнаруженных комиссией Отдела пропаганды и агитации ЦК³¹.

Примечания

¹ *Margulies S.* The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners. 1924–1937. **Madison; Lnd., 1968.**

² *Холландер И.* Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978. СПб., 1997.

³ *Soyer D.* Back to the Future: American Jews Visit the Soviet Union in the 1920s and 1930s // *Jewish Social Studies*. **N.Y., 2003. № 6/3. P. 124–159;** *Серебряный И.* Визит-картл // *Советиш хеймланд*. М., 1974. № 11. С. 129–139.

⁴ *Abramsky C.* The Biro-Bidzhan Project, 1927–1959 // *The Jews in Soviet Russia since 1917* / Ed. L. Kochan. Oxford; Lnd., 1972. P. 76–98; *Pinkus B.* Towards a Jewish Republic in the Soviet Union // *Pinkus B.* The Jews of Soviet Union: the History of a National Minority. Cambridge, 1988. P. 71–76; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 87–140.

⁵ *Soyer D.* Abraham Cahan's Travels in Jewish Homeland: Palestin in 1925 and Soviet Union in 1927 // *Yiddish and the Left* / Ed. G. Estraiikh and M. Krutikov. Oxford, 2001. P. 57–79.

⁶ *Кац М.* Авраам Рейзен: (К его приезду в СССР) // *Трибуна еврейской советской общечественности*. М., 1928. № 22. С. 12.

⁷ Исклучение А. Рейзена из МАППА // Там же. 1929. № 21. С. 27.

⁸ Ш. Яцкан о Гиршбейне // Там же. 1929. № 17. С. 31.

⁹ *Кац М.* Правые вылазки в еврейской литературе // Там же. 1929. № 22/23. С. 11.

- ¹⁰ *Estraikh G. Offshore Soviet Literature* // Estraikh G. In Harness: Yiddish Writer's Romance with Communism. N.Y., 2005. P. 65–101.
- ¹¹ *Костырченко Г.В.* Закрытие «вопроса» на фоне «большого террора» // Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 123–138.
- ¹² *Gitelman Z. Disappearing Alternatives: The End of the Jewish Social Parties* // Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Section of the CPSU, 1917–1930. Princeton, 1972. P. 151–232.
- ¹³ *Элиасберг Г.А.* Жизнь и творчество драматурга Давида Пинского // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004. Вып. 16. Ч. 2. С. 188–202.
- ¹⁴ *Иванов В.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999. С. 34–40, 114–121.
- ¹⁵ *Ан-ский С.* Еврейский народный театр // Еврейская неделя. 1916. № 2. Стлб. 44–45.
- ¹⁶ *Вермель С.С.* Московское изгнание (1891–1892): Впечатления, воспоминания. М., 1924.
- ¹⁷ *Pinsky D. Dray yor mit I.-L. Peretz* // *Di goldene keit*. Tel-Aviv, 1951. № 10.
- ¹⁸ *Майзель Н. И.-Л.* Перец – зайн лебн ун шафн. Нью-Йорк, 1945. С. 159–170.
- ¹⁹ *Нигер Ш.* Довид Пинский // Нигер Ш. Геклибэне вэрк. Нью-Йорк, 1972. Т. 1. С. 91.
- ²⁰ *Madison Ch. David Pinsky: A Dramatist of Disparate Qualities* // Madison Ch. Yiddish literature: It Scope and Major Writers. N.Y., 1975. P. 182–196.
- ²¹ Пинский Давид // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. Стлб. 528.
- ²² *Клитеник Ш.* Пинский Давид // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 649.
- ²³ «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 171–210.
- ²⁴ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 102–103.
- ²⁵ *Пинский Д.* Рейзе-бух. Варше. [б.г.]. С. 3.
- ²⁶ Там же. С. 82.
- ²⁷ Там же. С. 204.
- ²⁸ Там же. С. 238.
- ²⁹ *Элиасберг Г.А.* «Один из прежнего Петербурга»: С.Л. Цинберг как историк еврейской литературы, критик и публицист. М., 2005. С. 137–140.
- ³⁰ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 162–217.
- ³¹ *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994. С. 222.